

Власть, что ли, держать? Так какая власть у Бабушки? Она обед готовит, да со мной сидит. Разве это власть?

Каждое утро она приходит ко мне с тазиком, умывает меня - лицо, шею. Задирает рубашку, терпеливо протирает мою грудь, а потом ноги и всё остальное. Дальше она аккуратно переворачивает меня на живот и всё то же самое повторяет со спины.

Меняет мне подушечки. Кто-нибудь усмехнётся, даже возмутится: чего об этом говорить? Но примерьте на себя, как говорит моя мудрая Бабушка, и, может, сообразите.

Мученем всё это не назывёшь, но и радостью - тоже. Бабушка моя твердо характера - и в этом радость. Она никогда не плачет, не причитает, зато первой бросается ко мне и защищает ото всех, как индюшка своих птенцов, широко растопыривая свои перья.

На меня никто никогда ещё не нападал, но я знал - Бабушка на мою защиту прибежит первой. Это чувствовалось во всём - в каждом её терпеливом движении и в каждой фразе.

Единственное, что не могла Бабушка, - это носить меня на руках, как Папа.

Когда я был совсем маленьким, она, конечно, носила. А теперь уже не могла.

Бабушка недолюбливала Маму.

МАМА

Мама была не от мира сего. Это бабушкино выражение.

Она выразилась так при мне всего один раз, наверное, не нарочно. Хоть она и смутилась, я не понял: хорошо это или плохо.

Мир сей - это же всё, что сейчас: Бабушка, Папа, я, дом с большим садом, который мы снимаем за городом, как говорит Бабушка, для меня, наши разговоры, умывания по утрам, паучок по имени Чок, наконец.

А не сей мир? Что это? Я спросил Бабушку, и она пристально оглядела меня, думая о чём-то далеком и нездешнем.

Потом встряхнулась и спросила бодро:

- Ты, наверное, спрашиваешь, кто такой человек не от мира сего?

Я кивнул. Наверное.

- Не похожий на других, обычных.

- Необычный?

- Иногда необычный.

Иногда не желающий быть обычным, как все. Не желающий нести свою судьбу. Препятствия не преодолевающий, а их обходящий. Сосредоточенный на себе. Понимаешь?

- Не очень.

- Ну вот если ты без конца будешь думать о своей болезни, тебе будет хуже. Не думай!

- Стараясь.

- Если будешь думать о своей непохожести на других ребят, станешь их сторониться.

- Но ты же знаешь! - удивился я.

- Мне сторониться некого. Бабушка сникла. Сказала:

- А это - просто беда.

Бабушка, конечно, не про Маму говорила, и даже не про меня. А вообще. Но я думал о Маме - не от мира сего.

Разве она кого-нибудь сторонится? Без конца думает о чём-то своем?

Но уж что правда, то правда: она непохожа на других. Она необычна. Даже необыкновенна.

Она стройная, статная, изящная. Когда приезжает с работы, туфли не снимает, цокает каблучками по кафельному полу кухни. Мне приятно, я знаю - Мама пришла. А бабушка говорит ей:

- Не надоело цокать? Одень тапочки. Пусть ноги отдохнут!

- Ах, - говорит Мама, - я привыкла. А привычка - страшная вещь.

Она привыкла ходить в парадных платьях и костюмах по дому, потому что весь день проводит в них. Люди от мира сего скорей бы переоделись, чтобы удобнее себя чувствовать. А Мама вот ходит как на работе - значит, она не от мира сего. Или вот вместо того чтобы идти ко мне в тапочках, приходит, цокая, на каблучках.

Мама у меня известный человек, говорит папа, - председатель совета директоров. Они там всё время советуются, эти директора. А Мама им что-то такое говорит. В общем, они советуются-советуются и что-то там решают.

Бабушка однажды сказала про всех про них:

- Не пашут, не сеют, не жнут, а урожай имут.

Имут - это такое старинное слово. Имеют, значит.

Мама легко рассмеялась, а Папа кивнул головой:

- Это тоже надо уметь.

- Что же ты-то не умеешь?

- удивилась бабушка.

- Не всем дано, - ответил он.

- Не спорьте, - примирила их Мама. - Одним дано одно, другим - другое.

- А третьим - третье, - пошутил я. Они как раз все в моей комнате собрались. Почему-то вдруг притихли. Я Маму спросил:

- Но что же ты все-таки делаешь?

- Понимаешь, - ответила она бойко, - вот когда хлеб пекут, в печьку ставят тесто. В тесто добавляют дрожжи. И тесто с добавкой из дрожжей в тепле поднимается!

Увеличивается в размере! Хлеб всегда больше по размеру, чем тесто, которое ставят в печь. Эта разница называется припёк.

Она всех по очереди оглядела: понятно ли говорит? И все ей кивнули, даже я. Чего тут непонятного?

- послушайте, похоже звучит: припёк, приход, прибыль. Ну вот! Хлебопёк печёт хлеб, а мы печём деньги. Кладем их в большую печьку. И получаем прибыль. На наши деньги люди строят дома, покупают товары, что-то, в общем, делают. А потом их возвращают. Немножко больше, чем взяли. С процентами! И это наш припёк. Что тут неясного?

- Да ясно-то ясно, - вздохнула Бабушка. - Только непонятно!

- На этом остановимся? - спросил Папа голосом, не предполагающим продолжения.

ПАПА

А Папа мой - от мира сего. Это уже не Бабушка сказала, а я сам знаю.

Он бегаёт по магазинам и покупает продукты. Конечно, он не бегаёт, - у нас ведь есть машина, - а ездит. Но как что - так Папа. В аптеку за лекарствами для меня - Папа. На рынок за овощами и фруктами - тоже Папа. Уж про врачей говорить не приходится, ведь он их не только привозит, но отыскивает.

Бабушка говорит:

- Скоро твоему Папе можно будет присвоить степень кандидата медицинских наук. По детской неврологии.

Это такая наука, которая изучает мой Паралич-Параличевич.

Папа все книги об этом прочитал. Со всеми врачами познакомился, которые считаются специалистами.

И это Папа сказал мне:

- Когда тебе не больно - это нехорошо. Если же будет больно - значит, ты поправляешься.

Он сказал это при Бабушке, и она хотела что-то возразить. Но Папа ей не позволил.

- Мама, - твёрдо произнес он, - я прочитал много книг. Лучший признак - возвращение чувствительности.

Папа гуляет со мной. Это значит - носит меня на руках. Он носит меня с моих самых малых лет. И я привык к этому.

Мы гуляли по лесу, в котором стоит дом, и Папа показывал мне разные травы, летом мы даже засушили целый гербарий между страницами толстой медицинской книги по неврологии.

Папа показывал птиц, которые летают возле дома, и я хорошо знаю, жёлтеньких синиц, красногрудых снегирей, серых ползней, нарядных щеглов - их название произошло от слова "щёгель", значит, модник.

Папа прочитал мне много сказок и вместе с Бабушкой выучил грамоте. Теперь я люблю читать. Папа - единственный человек, который привозит мне новые цветные книги - ведь бабушка не выходит из дому из-за меня, а Мама работает допоздна.

Папа тоже работает, конечно. Когда-то он был конструктором на большом заводе и придумывал самолёты. Ну не все самолёты, а их детали, что-то там связанное с хвостом. Ведь на хвосте существуют части, называемые элеронами, которые поворачивают самолёт в разные стороны, а еще вверх и вниз. Как и крылья.

Ну и вот Папа придумывал, придумывал, работал, работал, а завод возьми да и закройся. Ну - почти закройся.

Папу не уволили, он был хороший конструктор. Но работы стало мало. Потом совсем мало. Наконец, она совсем исчезла.

Мама предлагала папе перейти в знакомый банк. В зависящую фирму. На другой завод, который делал оборудование не для самолётов, а для производства колбасы "салями". Там, оказывалась, для чего-то требовались конструкторы. Наконец, она пред-

лагала ему идти на работу к ней.

Папа все предложения встречал усмешкой. Сам устроился на какой-то маленький таинственный заводик, который что-то незаметное делал, а Папа получал там совсем маленькую зарплату.

- Деньги значения не имеют, - утвердила его решение Мама. - Главное, чтобы ты успокоился.

Даже хорошо. У тебя будет больше времени для сына.

Этот вердикт, почти приговор, был вынесен на кухне, где мы все собрались. И я ожидал, что своё слово произнесет и Бабушка. Но она только опустила голову. Как и Папа, у которого на руках сидел я.

- Хорошо ещё, - проговорил он, обращаясь к Маме, - что у нас есть ты.

КАК ЖИВЁТ ПАУЧОК?

Вы думаете, я забыл о нём? Но разве о друзьях забывают?

Я думаю про Папу, про Маму, про Бабушку и всякие наши домашние происшествия, но я же никуда не деваюсь. Лежу себе в своей постели, и после того, как о чем-нибудь подумаю или почитаю, беру большое увеличительное стекло, замечательную вещь, подзабытую человечеством, и смотрю сквозь него на паучка.

Он всё-таки не теряет времени даром. Пока я раздумывал о том и о сём, обтянул тонкими ниточками комара и муху. Опять отсел на край паутины. Может быть, любитесь своей хозяйской работой. Или ждёт, пока наступит ночь, чтобы пообедать.

- Ну как дела, Чок? - спрашивал я его негромко, чтобы не услышал кто-нибудь.

- Да ничего, - сам отвечал за него шёпотом. - Сижу вот здесь, терплю, Чик.

- Я восхищаюсь твоим терпением, Чок! - говорил я ему. И говорил за него в ответ:

- Так уж всё устроено, Чик. И у нас, и у вас. Надо терпеть. Тот, кто не может вытерпеть, погибает.

- Совершенно с тобой согласен, - говорил я. И спрашивал, сочувствуя:

- Тебе, наверное, особенно трудно? Раскинуть сети и ждать, ждать. Неизвестно ведь, сколько?

- Неизвестно, конечно. Но у нас так принято. Ждать и ждать.

- И даже умирать, не дождавшись?

- Что поделаешь? - вздыхал я вместо него. - Даже и умирают.

Я едва дождался, пока Бабушка пришлёт.

- Скажи, - спросил её. - А можно умереть, так ничего и не дождавшись?

Она встревожилась:

- Ты про что?

- Ну, например, пауки.

Они же умирают, не дождавшись, пока попадут в паутину кто-нибудь?

Бабушка смутилась. Потом немножко обрадовалась:

- Пауки тоже не дураки. Они перелетают на паутинках с куста на куст. Уходят из одного угла в другой. Сражаются за свою жизнь. Всем надо сражаться!

Я её уже понял. Всем своим видом она хотела подчеркнуть, что и мне нужно сражаться. Ох, Бабуля! Из всего она готовит мне уроки. Хотя в школу я не хожу. И неизвестно, пойду ли.

Я вздохнул. Прикрыл глаза. И уж если на то пошло, спросил ее:

- Ну, а сколько мне ждать? И чего ждать-то? Сколько терпеть? До каких пор? До бесконечности?

Это Бабушкино же слово. Когда-то и где-то она его при мне произнесла, и я его сразу понял.

Бабушка присела ко мне на кровать. Помолчала. Потом сказала строгим голосом:

- Человек, знаешь ли, отличается от паучка. У тебя есть родители. Я. Существует медицина. Но у паучков стоит поучиться, я согласна. Они обладают замечательным терпением.

- А если не станет тебя? - спросил я. - Родителей? А медицина и так бессильна.

Бабушка молчала и гладила, гладила меня по ногам. Только я ничего ведь не чувствовал. Слышал, видел - это да. Но не чувствовал.

И ещё видел, что Бабушка тихо плачет.

- Но ты же говорила о терпении, - сказал я ей ласково.

ПОДАРОК

Потом мне привезли подарок. Да какой!

Мама выписала для меня из Америки электрическую коляску.

Папа нарядил меня в спортивный костюм "Адидас".

Ноги обул в новые кроссовки, привязал к тележке автомобильным ремнём, который там был, и обучил, как пользоваться рычагом движения - он устроен на подлокотнике.

Всё очень просто. Нажмёшь рычаг вперёд - туда и поедешь. Нажмёшь назад - назад. А повернёшь вбок - повернёшь и коляску.

Я сначала дома кружился, потом - на улице. Бабушка со мной теперь не справлялась. Не поспевала за мной, и Папа её, конечно, от пробежек по двору освободил.

Сам он шагал рядом со мной широкими шагами. Да ещё и ускорял ход.

Не знаю, легче ли стало ему от того, что не надо меня нести на руках. Он никак не давал это понять.

И однажды я догадался сам: не носить меня на руках ему лучше.

Но зато он не прижимает теперь меня к себе. И я не дышу домашние происшествия, но я же никуда не деваюсь. Лежу себе в своей постели, и после того, как о чем-нибудь подумаю или почитаю, беру большое увеличительное стекло, замечательную вещь, подзабытую человечеством, и смотрю сквозь него на паучка.

Он всё-таки не теряет времени даром. Пока я раздумывал о том и о сём, обтянул тонкими ниточками комара и муху. Опять отсел на край паутины. Может быть, любитесь своей хозяйской работой. Или ждёт, пока наступит ночь, чтобы пообедать.

- Ну как дела, Чок? - спрашивал я его негромко, чтобы не услышал кто-нибудь.

- Да ничего, - сам отвечал за него шёпотом. - Сижу вот здесь, терплю, Чик.

- Я восхищаюсь твоим терпением, Чок! - говорил я ему. И говорил за него в ответ:

- Так уж всё устроено, Чик. И у нас, и у вас. Надо терпеть. Тот, кто не может вытерпеть, погибает.

- Совершенно с тобой согласен, - говорил я. И спрашивал, сочувствуя:

- Тебе, наверное, особенно трудно? Раскинуть сети и ждать, ждать. Неизвестно ведь, сколько?

- Неизвестно, конечно. Но у нас так принято. Ждать и ждать.

- И даже умирать, не дождавшись?

- Что поделаешь? - вздыхал я вместо него. - Даже и умирают.

Я едва дождался, пока Бабушка пришлёт.

- Скажи, - спросил её. - А можно умереть, так ничего и не дождавшись?

Она встревожилась:

- Ты про что?

- Ну, например, пауки.

Они же умирают, не дождавшись, пока попадут в паутину кто-нибудь?

Бабушка смутилась. Потом немножко обрадовалась:

- Пауки тоже не дураки. Они перелетают на паутинках с куста на куст. Уходят из одного угла в другой. Сражаются за свою жизнь. Всем надо сражаться!

Я её уже понял. Всем своим видом она хотела подчеркнуть, что и мне нужно сражаться. Ох, Бабуля! Из всего она готовит мне уроки. Хотя в школу я не хожу. И неизвестно, пойду ли.

Я вздохнул. Прикрыл глаза. И уж если на то пошло, спросил ее:

- Ну, а сколько мне ждать? И чего ждать-то? Сколько терпеть? До каких пор? До бесконечности?

Это Бабушкино же слово. Когда-то и где-то она его при мне произнесла, и я его сразу понял.

Бабушка присела ко мне на кровать. Помолчала. Потом сказала строгим голосом:

- Человек, знаешь ли, отличается от паучка. У тебя есть родители. Я. Существует медицина. Но у паучков стоит поучиться, я согласна. Они обладают замечательным терпением.

- А если не станет тебя? - спросил я. - Родителей? А медицина и так бессильна.

Бабушка молчала и гладила, гладила меня по ногам. Только я ничего ведь не чувствовал. Слышал, видел - это да. Но не чувствовал.

И ещё видел, что Бабушка тихо плачет.

- Но ты же говорила о терпении, - сказал я ей ласково.

Потом мне привезли подарок. Да какой!

Мама выписала для меня из Америки электрическую коляску.

Папа нарядил меня в спортивный костюм "Адидас".

Ноги обул в новые кроссовки, привязал к тележке автомобильным ремнём, который там был, и обучил, как пользоваться рычагом движения - он устроен на подлокотнике.

Всё очень просто. Нажмёшь рычаг вперёд - туда и поедешь. Нажмёшь назад - назад. А повернёшь вбок - повернёшь и коляску.

Я сначала дома кружился, потом - на улице. Бабушка со мной теперь не справлялась. Не поспевала за мной, и Папа её, конечно, от пробежек по двору освободил.

Сам он шагал рядом со мной широкими шагами. Да ещё и ускорял ход.

Не знаю, легче ли стало ему от того, что не надо меня нести на руках. Он никак не давал это понять.

И однажды я догадался сам: не носить меня на руках ему лучше.

Но зато он не прижимает теперь меня к себе. И я не дышу домашние происшествия, но я же никуда не деваюсь. Лежу себе в своей постели, и после того, как о чем-нибудь подумаю или почитаю, беру большое увеличительное стекло, замечательную вещь, подзабытую человечеством, и смотрю сквозь него на паучка.

Он всё-таки не теряет времени даром. Пока я раздумывал о том и о сём, обтянул тонкими ниточками комара и муху. Опять отсел на край паутины. Может быть, любитесь своей хозяйской работой. Или ждёт, пока наступит ночь, чтобы пообедать.

- Ну как дела, Чок? - спрашивал я его негромко, чтобы не услышал кто-нибудь.

- Да ничего, - сам отвечал за него шёпотом. - Сижу вот здесь, терплю, Чик.

- Я восхищаюсь твоим терпением, Чок! - говорил я ему. И говорил за него в ответ:

- Так уж всё устроено, Чик. И у нас, и у вас. Надо терпеть. Тот, кто не может вытерпеть, погибает.

- Совершенно с тобой согласен, - говорил я. И спрашивал, сочувствуя:

- Тебе, наверное, особенно трудно? Раскинуть сети и ждать, ждать. Неизвестно ведь, сколько?

- Неизвестно, конечно. Но у нас так принято. Ждать и ждать.

- И даже умирать, не дождавшись?

- Что поделаешь? - вздыхал я вместо него. - Даже и умирают.

Я едва дождался, пока Бабушка пришлёт.

- Скажи, - спросил её. - А можно умереть, так ничего и не дождавшись?

Она встревожилась:

- Ты про что?

- Ну, например, пауки.

Они же умирают, не дождавшись, пока попадут в паутину кто-нибудь?

Бабушка смутилась. Потом немножко обрадовалась:

- Пауки тоже не дураки. Они перелетают на паутинках с куста на куст. Уходят из одного угла в другой. Сражаются за свою жизнь. Всем надо сражаться!

Я её уже понял. Всем своим видом она хотела подчеркнуть, что и мне нужно сражаться. Ох, Бабуля! Из всего она готовит мне уроки. Хотя в школу я не хожу. И неизвестно, пойду ли.

Я вздохнул. Прикрыл глаза. И уж если на то пошло, спросил ее:

- Ну, а сколько мне ждать? И чего ждать-то? Сколько терпеть? До каких пор? До бесконечности?

Это Бабушкино же слово. Когда-то и где-то она его при мне произнесла, и я его сразу понял.

Бабушка присела ко мне на кровать. Помолчала. Потом сказала строгим голосом:

- Человек, знаешь ли, отличается от паучка. У тебя есть родители. Я. Существует медицина. Но у паучков стоит поучиться, я согласна. Они обладают замечательным терпением.

- А если не станет тебя? - спросил я. - Родителей? А медицина и так бессильна.

Бабушка молчала и гладила, гладила меня по ногам. Только я ничего ведь не чувствовал. Слышал, видел - это да. Но не чувствовал.

И ещё видел, что Бабушка тихо плачет.

- Но ты же говорила о терпении, - сказал я ей ласково.

Потом мне привезли подарок. Да какой!

Мама выписала для меня из Америки электрическую коляску.

Папа нарядил меня в спортивный костюм "Адидас".

Ноги обул в новые кроссовки, привязал к тележке автомобильным ремнём, который там был, и обучил, как пользоваться рычагом движения - он устроен на подлокотнике.

Всё очень просто. Нажмёшь рычаг вперёд - туда и поедешь. Нажмёшь назад - назад. А повернёшь вбок - повернёшь и коляску.

Я сначала дома кружился, потом - на улице. Бабушка со мной теперь не справлялась. Не поспевала за мной, и Папа её, конечно, от пробежек по двору освободил.

Сам он шагал рядом со мной широкими шагами. Да ещё и ускорял ход.